

Н. А. Михальчук (Могилев)

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕПРЯМЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Гипертрофированное выражение не прямых значений – это один из способов косвенной передачи информации. В произведениях В. Набокова выделяется гипертрофированное выражение не прямых значений двух типов: гипертрофированное выражение этикетных значений и гипертрофированное выражение неэтикетных значений.

Сама по себе гипертрофированная вежливость не определяется лингвистами как позитивное явление. Так, например, особенность максим вежливости Дж. Лича состоит в том, что не только их нарушение, но и слишком усердное их соблюдение (гипертрофированная вежливость, лесть) вызывает дискомфорт.

В произведениях Набокова имеет место трансформация первоначального смысла гипертрофированных не прямых высказываний. Яркие иллюстрации не прямой коммуникации данного вида в произведениях Набокова находим в романе «Приглашение на казнь»: *«Певучим голосом м-сье Пьер сказал: – Я тоже чрезвычайно рад с вами наконец познакомиться. Смею надеяться, что мы сойдемся короче. – Именно, именно, – захохотал директор, – ах, садитесь... Будьте, как дома... Коллега так счастлив видеть вас у себя, что не находит слов»* (диалог приговоренного к казни и палача в тюремной камере).

Этикетные формулы в романе обнаруживают интенциональный смысл, которого они не имеют в изолированном высказывании либо в другом контексте, следовательно, характеризуются ситуативной обусловленностью. Существует расхождение между выраженным и подразумеваемым, требуются значительные интерпретационные усилия со стороны адресата. Осложненная интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность, креативность позволяют трактовать такого рода высказывания как не прямую коммуникацию.

Коммуникативная цель, стоящая перед тюремщиком и палачом, – заверить заключенного в своих дружеских чувствах, товарищеской близости. Она не достигается. Диалоги тюремщиков и Цинцинната становятся отражением ситуаций, которые можно определить как коммуникативную неудачу, вызванную несоответствием речевого по-

ведения типу речевой ситуации. Сигналами коммуникативной аномальности становятся словесные, мимические и физические реакции Цинцинната. Знаком коммуникативной рассогласованности является выражение равнодушия или неудовольствия: *«Цинциннат машинально обменялся с ним рукопожатием»*; *«Уйдите, – воскликнул Цинциннат, привстав и весь трясясь»*; *«Цинциннат раскрыл книжку и углубился в нее»*; *«Ах, не приставайте ко мне, прошу вас, – скорбно сказал Цинциннат»*; *«Уйдите, прошу вас»*; *«Да уж скажите, – проговорил с вялой усмешкой Цинциннат»*. Иногда сигналы коммуникативной неадекватности даются со стороны говорящего: *«Какие мы печальные, какие нежные... Все молчим, да молчим, а усики у нас трепещут, а жилка на шейке бьется, а глазки мутные»*; *«Фу, какой бука... Смотрите, смотрите, губки вздрагивают»*.

Восприятие Цинциннатом рассказов м-сье Пьера и Родрига Ивановича представляет собой отмену их содержания, первоначальные смыслы в их речи трансформируются. Доброта и забота воспринимаются как издевка, насмешка, оскорбление. Этикетные формулы, используемые директором тюрьмы и палачом, правомерно рассматривать в зоне «антиэтикета», они являются конфликтными речевыми актами, выходят за рамки этикетных отношений.

В «Приглашении на казнь» гипертрофированное выражение коммуникативных смыслов используется для создания мира, отвергающего индивидуальное сознание и отождествленного с ирреальностью. В мире Цинцинната он сам (художник) – единственное подлинное существо, люди вокруг (обыватели) – это лишь «призраки, оборотни, пародии». Мотив мнимости персонажей, окружающих Цинцинната, задается уже в диалогах с ними восприятием их реплик как «пустых стереотипов». Гипертрофированное выражение не прямых значений становится для читателя источником имплицитной информации, позволяет соотнести языковую структуру романа с его проблематикой. Таким образом, в диалогах, содержащих гипертрофированно выраженные не прямые значения, формируется один из основных сюжетобразующих мотивов произведения – мотив мнимости, неистинности. Роберт Олтер справедливо сравнивает высокопарную вежливость и лицемерную дружескую поддержку Родрига Ивановича и м-сье Пьера с духовыми оркестрами, которые играли патриотические марши, приветствуя заключенных, прибывающих в гитлеровские лагеря смерти.

Языковые средства, с помощью которых в романе создаются гипертрофированные этикетные и неэтикетные не прямые значения: 1) восклицательные синтаксические конструкции: «*Мы вас умоляем!*», «*Просим, просим!*», «*Поздравляю вас. Радостно!*»; 2) этикетные формы интенсивности (интенсификаторы): «*миллион извинений*», «*вы не можете вообразить, как вас тут ждали*», «*позвольте вас от души поздравить*», «*чрезвычайно рад с вами наконец познакомиться*», «*Симпатичному Родиону мое нижайшее*»; 3) нагнетание фразеологических оборотов в пределах одного «макроречевого акта»: «*Будьте, как дома... Коллега так счастлив видеть вас у себя, что не находит слов*», «*Милости просим. Присаживайтесь, прошу, – чем богат, тем и рад*»; 4) лексический повтор: «*Итак, до свидания. До свидания! До свидания!*»; «*Мое почтение, мое почтение, мое почтение*», – *сказал адвокат, подходя*; «*Ну поздравляю вас, поздравляю*». «Эхо» этикетных формул воспринимается как «пустые» стереотипы, первоначальный их смысл редуцируется; 5) нагнетание слов с суффиксами эмоциональной оценки: «*будьте здоровеньки*», «*голубчик мой*», «*миленький мой*», «*кушайте мои конфетки*», «*Не сердись, цыпунька, на меня*», «*Я через пять минуточек вернусь, Цинциннатик*». На повышенную эмоциональность реализации этикетных смыслов указывают и авторские ремарки: «*крикнул он; захохотал директор; обратился, лукавя, директор к Цинциннату; взмолился директор; с грозной веселостью грянул Родриг Иванович*».

В произведениях Набокова также есть случаи использования гипертрофированных не прямых высказываний, которые приобретают противоположный смысл. Часто противоположный смысл высказывания возникает в результате чрезмерной интенсификации какого-либо признака: например, как отмечается в исследованиях, в иронических высказываниях гипертрофированная похвала может восприниматься как осуждение, утверждение как отрицание [3]. Гипертрофированные высказывания, приобретающие противоположный смысл, восходят к определенному типу не прямой коммуникации – диадам, состоящим из антонимических членов, типа: «*Поздравляю!*» (поздравление – неодобрение), «*Опять напроказил!*» (осуждение – восхищение), «*Ну, удружил!*» (благодарность – обличение). Теоретическое существование таких диад Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров усматривают в «общей закономерности: *les extremes se touchent*»: понятия, взгляды,

свойства, исключаящие друг друга, вместе с тем совмещаются [2]. Лингвисты отмечают, что это наблюдение восходит уже к античности, трудам Аристотеля [1, с. 121].

В рассказе В. Набокова «Ultima thule», написанном в форме письма художника Синеусова к его недавно умершей жене, – преувеличенные комичность, игривость, ирония, с которой герой говорит о смерти, переходят в свою противоположность: воспринимаются как проявления отчаяния и скорби, содержат дополнительный смысл – самозащита человека, поглощенного горем.

Гипертрофированные этикетные и неэтикетные непрямые смыслы создаются в рассказе при помощи следующих языковых средств: 1) окказионализмов: *душекружение, кстатическая мысль, односмертники, трупсики, без тебя не бобу*; 2) параномазии: *виноватые виньетки*; 3) каламбуров: *ради крашеного слова; к безрукому: крепко жму вашу руку; к покойнику: призрачно ваши*; 4) иронии, сарказма: *Я ответил, что благодарю за внимание и желаю ему интересных загробных впечатлений и приятного препровождения вечности*; 5) метафоры: *путаясь в рваных шелках слога*; 6) нарушения синтаксической связи слов: *коммерческое счастье*; 7) речевых излишеств: *мы как-то завтракали (принимали пищу)*; 8) сравнения: *поговорили о прошлом, как о тяжело больном*, и др.

Таким образом, непрямая коммуникация гипертрофированного типа с точки зрения продуцирования смыслов и способа интерпретации адресатом в произведениях В. Набокова представляет собой: 1) редукцию первоначального смысла и его трансформацию, 2) обретение высказыванием противоположного смысла.

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М., 2006.

2. Верещагин, Е. М. «Крайности сходятся» (о тождестве противоположных рече-поведенческих тактик) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: тез. докл. Всерос. науч.-метод. конф. – Екатеринбург, 2000.

3. Варзонин, Ю. Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Варзонин. – Тверь, 1994.